

Вилл Рэй

МАРИ и КОРОЛЕВСТВА ПО ТУ СТОРОНУ ОБЛАКОВ

Свобода — это не жизнь без обязанностей, ☆
а право решить, какие обязанности важны. ☆

Вилл Рэй

Мари и королевства по ту сторону облаков

<https://litres.ru/74383073>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мари двенадцать лет, и больше всего на свете она хочет, чтобы её оставили в покое. Её ждут: будильник, школа, уроки, поручения, бесконечное «надо» и взрослые, которые всегда знают, что ей делать.

Однажды ночью она загадывает желание: попасть в мир, где никто никогда не будет заставлять её что-либо делать. Мари оказывается по ту сторону двери, в Заоблачном королевстве.

Сначала это кажется идеальным местом для Мари. Никто не торопит и ничего не требует. Но скоро Мари замечает странность: дома недостроены, фонтан не работает семьдесят лет, жители лежат на улицах, а король не помнит, чем занимался раньше. Оказывается, свобода без ответственности превращает целое королевство в место, где ничего не происходит.

А за облаками есть и другое королевство — не похожее на первое. Там всё подчинено правилам и обязательствам. Между двумя крайностями Мари предстоит понять главное: действительно ли счастье — когда никто ничего от тебя не

требует? И можно ли самому выбрать, что делать со своей жизнью?

Содержание

Часть первая. Дом, где всё время «надо»	5
Глава первая. Семь поручений до завтрака	5
Глава вторая. Шесть уроков подряд	13
Глава третья. Вечер, в котором всё начинается заново	21
Глава четвёртая. Желание	28
Часть вторая. Заоблачное королевство	34
Глава пятая. Дверь, за которой нет коридора	34
Глава шестая. Улица среди облаков	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вилл Рэй

Мари и королевства по ту сторону облаков

**Часть первая. Дом,
где всё время «надо»**

**Глава первая. Семь
поручений до завтрака**

Жила-была девочка, которую звали Мария.

Впрочем, так её называли всего два человека на свете: учительница математики — когда была недовольна, и бабушка — когда была довольна. Все остальные звали её Мари, и ей это нравилось гораздо больше. «Мария» звучало как что-то, что нужно немедленно исправить. «Мари» звучало как имя.

И если бы кто-нибудь спросил Мари, чего ей хочется сильнее всего на свете, она бы ответила не задумываясь: чтобы её оставили в покое.

Хотя бы на день.

Хотя бы на одно утро.

Но именно утра ей и не оставляли.

Утро в её комнате начиналось с будильника. Будильник был старый, ещё бабушкин, с двумя медными чашечками наверху — из тех, что не пищат вежливо, а звонят так, будто в доме пожар, наводнение и приехали гости одновременно. За всю свою долгую жизнь он не опоздал ни разу и ни на минуту, и очень этим гордился.

Правда, гордиться было не перед кем. В комнате, кроме него, никто времени не знал.

В то утро он прозвонил ровно в семь.

Мари не встала.

У неё была своя система: если лежать совершенно неподвижно и дышать очень тихо, можно притвориться, что тебя ещё не существует. Она смотрела в потолок и считала трещины. Трещин было девятнадцать. Она пересчитывала их каждое утро — не потому, что забывала, а потому, что это было единственное дело на свете, которого от неё никто не требовал.

На девятнадцатой трещине из кухни донеслось:

— Мари! Вставай!

Это было поручение первое.

Мари не пошевелилась.

— Мари, я тебя зову!

Строго говоря, это было то же самое поручение, только погромче, но Мари засчитала его как второе. У неё были

свои правила подсчёта, и, надо признать, довольно выгодные для неё самой.

Она села на кровати и некоторое время смотрела в стену. Это была очень хорошая стена. Она никогда ничего не просила.

На подоконнике, свернувшись в тугую баранку, спал кот Тапок.

Тапок был единственным жителем квартиры, которому никто и никогда ничего не поручал. Он спал восемнадцать часов в сутки, ел, когда хотел, уходил, когда надоедало, и все вокруг находили это очаровательным. Мари смотрела на него с завистью, от которой щипало в носу.

— Везёт тебе, — сказала она.

Тапок приоткрыл один глаз, подтвердил, что да, везёт, и закрыл его обратно.

Запомните и кота. Мари ещё вспомнит о нём — при обстоятельствах, о которых сейчас не догадывается ни она, ни, честно говоря, кот.

— И постель застели!

Третье.

Мари натянула одеяло на подушку — примерно так, как натягивают скатерть на стол, за которым уже сидят. Пижама осталась лежать на полу; Мари подтолкнула её ногой под кровать, где пижаме предстояло провести ближайшую неделю в обществе двух носков, старого фантика и чего-то ещё, чего Мари уже не помнила.

Вообще, надо сказать, под кроватью у Мари помещалось поразительно много всего. Это было самое вместительное место в квартире и уж точно самое быстрое: любая вещь исчезала там за полсекунды, тогда как на то, чтобы убрать её по-человечески, уходило минуты три, а то и четыре. Мари считала это выгодной сделкой и заключала её примерно дважды в день, четвёртый год подряд.

Под кроватью у неё было темно и тихо.

Мы туда ещё заглянем. Но не сейчас.

— Носки другие надень, эти со вчера!

Четвёртое.

— И причешись, ты как воробей!

Пятое.

Мари прошла мимо зеркала в коридоре и посмотрела на себя. Из зеркала на неё посмотрела девочка, которая тоже не выспалась и тоже не понимала, зачем всё это нужно.

— Ну и что мне со всем этим делать? — спросила Мари шёпотом.

Зеркало, разумеется, ничего не ответило.

Зеркала в нашем мире вообще отвечают редко. Но вы это запомните.

На кухне пахло кашей. Каша была овсяная, а овсяную кашу, как известно, придумали специально для того, чтобы детям было о чём грустить по утрам. Мари села и принялась гонять её ложкой из одного края тарелки в другой, устраивая внутри тарелки небольшое переселение народов.

— Не играй с едой. Ешь.

Шестое.

— И быстрее, опоздаешь.

Тут надо кое-что сказать про маму, иначе получится несправедливо.

Мама в это время делала четыре дела сразу — и я не преувеличиваю, я считал. Она мешала что-то в кастрюле, застёгивала одной рукой рукав блузки, придерживала плечом телефон, по которому ей объясняли что-то неприятное, и одновременно искала глазами ключи, которые лежали там, где лежат все ключи мира: не там, где их ищут.

Мама вставала в шесть. Ложилась в двенадцать. И между шестью и двенадцатью помещался её день, в котором для неё самой места почти не оставалось.

Но об этом Мари не думала. В восемь лет об этом не думают, и в одиннадцать, признаться, тоже.

Она думала о том, что её просят есть быстрее и есть аккуратнее одновременно, и что это, вообще-то, два разных дела, и что взрослые никогда, ни разу за всю историю человечества не замечали этого противоречия.

Папа сидел напротив с телефоном и хмурился в экран так серьёзно, что можно было подумать, будто там решается судьба государства. Мари знала, что там курс валют и погода на выходные, но виду не подавала.

— Пап.

— М.

— А зачем мне учить, в каком году что было?

— М?

— Ну вот было и было. Оно же уже было. Оно уже не изменится.

Папа оторвался от экрана, посмотрел на неё поверх телефона и сказал то, что говорят все папы мира, когда их спрашивают о чём-то важном до восьми утра:

— Надо, значит надо.

И снова уткнулся в экран.

Это был не ответ. Это была дверь, которую закрывают снаружи.

Мари даже не расстроилась. Она собирала такие «надо» уже давно; у неё скопилась целая коллекция, и все они были одинаковые, как пуговицы от одного пальто. «Надо, значит надо». «Потому что я так сказала». «Вырастешь — поймёшь». «Все учат, и ты учи». Мари могла бы разложить их по коробочкам и подписать, но подписывать было нечего: внутри каждой пуговицы было пусто.

— И портфель проверь, вчера сменку забыла!

Седьмое.

Портфель Мари проверила так, как проверяют портфели во всём мире: приподняла и потрясла. Внутри что-то стукнуло и перекатилось. Это могла быть сменка, а могло быть яблоко, которое лежало там с понедельника и уже начало собственную, отдельную от Мари жизнь.

Мари решила, что это сменка.

Вы, может быть, считали вместе со мной. Семь. Семь поручений — и всё это до того, как Мари успела съесть хоть одну ложку каши.

Сама Мари не считала. Она перестала считать примерно тогда же, когда перестала спорить.

В прихожей мама подала ей куртку — не потому, что Мари не могла взять её сама, а потому, что так было быстрее, — и вложила в ладонь несколько монет.

— На обед. Сдачу принесёшь.

Мари сунула монеты в карман, не глядя. Сколько их там было — три, четыре? — она не посмотрела. Зачем? Деньги ведь просто лежат в кармане, а потом их отдаёшь, и всё.

Запомните и это тоже.

— И не забудь...

Дверь закрылась ровно посередине маминой фразы, и что именно Мари не должна была забыть, осталось висеть в квартире, как воздушный шарик под потолком.

На лестнице было прохладно и пусто. Пахло чужим завтраком и мокрой тряпкой. Где-то внизу хлопнула дверь, и звук пошёл вверх по пролётам, обгоняя Мари.

Она остановилась между вторым и третьим этажом, где никто не мог её услышать, и сказала вслух — негромко, но очень отчётливо:

— Не хочу.

Лестница ей не возразила.

Лестницы вообще никогда не возражают — пожалуй, это

единственное, за что Мари их любила.

Это было первое «не хочу» в нашей истории.

Далеко, далеко не последнее.

Глава вторая. Шесть уроков подряд

От подъезда до школы было двенадцать минут.

Мари знала эту дорогу до последней трещины в асфальте и могла бы пройти её с закрытыми глазами — и однажды попробовала, но на четвёртом шаге испугалась и открыла.

Сначала двор: гаражи, качели с одной оторванной цепью, скамейка, на которой никто никогда не сидел. Потом арка, в которой всегда было холоднее, чем снаружи, — Мари так и не выяснила почему. Потом длинная лужа вдоль бордюра, которая не высыхала даже в июле; Мари обходила её по самому краю, балансируя, раскинув руки, и это было единственное дело за весь день, которое она делала просто потому, что ей хотелось.

Двенадцать минут.

Двенадцать минут, за которые никто, ни один человек на свете, не сказал ей, что нужно сделать.

Это были лучшие минуты её дня, и Мари об этом даже не догадывалась. О таких вещах вообще догадываются только потом.

А потом начиналась школа.

Школа — это большой дом, в котором шестьсот человек с утра до обеда говорят друг другу, что делать.

Точнее, не совсем так. Говорят примерно двадцать человек. Остальные пятьсот восемьдесят слушают.

Мари была из тех пятисот восьмидесяти.

Звонок в её школе был громкий, дребезжащий и старше самой Мари лет на тридцать. Он звенел не для того, чтобы кого-то позвать, а для того, чтобы напомнить: время тебе больше не принадлежит, оно теперь разрезано на шесть кусков, и каждый кусок кто-нибудь уже занял.

На стене у входа висело расписание.

Это была самая главная бумага в школе, и все это знали. Директора можно было не послушать, учителя — переспросить, но с расписанием никто никогда не спорил. Оно висело под стеклом, разграфлённое на клеточки, и в каждой клеточке лежал кусок чьей-то жизни. Понедельник, вторник, среда. Восемь тридцать, девять двадцать пять, десять двадцать.

Мари проходила мимо него дважды в день и ни разу не подумала, что кто-то это расписание составил. Ей казалось, что оно было всегда — как погода или как понедельник.

Запомните эту бумагу под стеклом. Мари ещё встретит целое королевство, устроенное по её образцу.

Первым куском была математика.

Математику вела Тамара Петровна — единственный человек в школе, называвший Мари Марией, и делала она это исключительно в те минуты, когда была чем-нибудь недовольна. За четыре года «Мари» от неё не слышал никто.

— Мария. К доске.

На доске была задача. В задаче мальчик покупал в магазине четыре тетради по семнадцать рублей и одну ручку, отдавал сто рублей и получал сдачу.

Мари смотрела на этого мальчика с некоторым раздражением. Ей казалось, что за все годы её обучения он не купил ничего интересного: только тетради, карандаши и почему-то очень много яблок.

— Тамара Петровна, а зачем это?

Класс оживился. Вопрос «а зачем это?» в любом классе мира работает как маленький праздник: он ничего не решает, но отнимает у урока минуты полторы.

— Что «зачем»?

— Ну, сдача. Её же касса считает. Там экран, там всё написано.

Тамара Петровна помолчала — не потому, что не знала ответа, а потому, что за двадцать шесть лет работы слышала этот вопрос примерно четыре тысячи раз и все ответы уже израсходовала.

— Затем, что это будет в контрольной, — сказала она наконец. — Садись.

Мари села.

Это был не ответ. Это была вторая дверь, закрытая снаружи, — считая папину, утреннюю.

А жаль. Потому что если бы кто-нибудь в то утро сказал ей: «Мари, однажды ты окажешься очень далеко от дома, в лавке, где не будет ни кассы, ни экрана, и от того, умеешь

ли ты считать, будет зависеть, поужинаешь ты или ляжешь спать голодной», — Мари бы, пожалуй, послушала.

Но никто ей этого не сказал. Такие вещи вообще редко говорят вовремя.

Вторым куском была история.

История Мари не нравилась больше всего. В истории были даты, а даты состояли из цифр, а цифры, как известно, нужно запоминать в правильном порядке, и никого не волнует, что порядок этот придумали задолго до тебя.

— А зачем нам знать, когда что было? — спросила Мари. — Оно же уже было.

— Чтобы не повторять ошибок прошлого, — сказал учитель.

Это, между прочим, был отличный ответ. Просто он был сказан так, как объявляют остановки в автобусе, — и потому пролетел мимо.

— Я не собираюсь начинать войну, — пробормотала Мари себе под нос. — Мне двенадцать.

Запомните и это. Мари ещё придётся выяснять, из-за чего поссорились два соседних государства, и выяснять довольно срочно, и никакого учебника у неё под рукой не будет.

Третьим куском была география.

Раздали контурные карты. Контурная карта — удивительная вещь: это карта, на которой ничего нет. Ни городов, ни названий, ни рек. Только бледные линии, похожие на след от пролитого чая.

Всё это полагалось заполнить самому.

Мари раскрасила горы синим, потому что коричневый карандаш куда-то делся, и подписала реку не там, где река.

— Зачем нам вообще карты? — сказала она соседке по парте. — В телефоне есть карта. Она сама показывает, куда идти.

— А если телефона нет?

— Как это нет?

Соседка пожалала плечами. Она была девочка практичная и спорить не любила.

Мари сдала карту с синими горами и мгновенно об этом забыла — как забывают вообще обо всём, что делают без единой мысли.

Потом была перемена.

Перемена в школе — это десять минут, в которые шестьсот человек пытаются успеть прожить всё, чего им не дают прожить на уроках. Кто-то бежит, кто-то кричит, кто-то доедает, кто-то дерётся из принципа.

В середине коридора стояла завуч Ольга Ивановна и повторяла одну фразу, которую повторяла уже одиннадцать лет:

— Не бегаем.

Она не сердилась. Она говорила это ровно и спокойно, как капает вода из плохо закрытого крана, и Мари иногда казалось, что, если в коридоре однажды никого не окажется, Ольга Ивановна всё равно будет стоять и говорить это стенам.

Мари перешла на шаг. Через три метра снова побежала. А потом был буфет.

Мари протянула буфетчице все монеты сразу, горстью, ладонью вверх — так, как протягивают что-то, в чём не разбираются. Буфетчица взяла сколько нужно, положила остальное обратно и подвинула булочку.

Сколько именно она положила обратно, Мари не посмотрела.

И, забегая вперёд, скажу: зря.

Четвёртым куском была литература, и вот тут придётся остановиться подробнее.

Задали сочинение. Тема была: «Как я провёл лето».

Лето у Мари было такое: двадцать один день у бабушки, где не ловил интернет, и всё остальное — во дворе. Писать про это было решительно нечего, а сочинение должно было занимать полторы страницы.

И тогда Мари написала другое.

Она написала про лето, которого у неё не было. Про то, как в июле во дворе появилась дверь — обыкновенная дверь, стоящая сама по себе, без стены, — и как за ней оказалось море. Не то чтобы очень большое море. Ровно такое, чтобы поместиться во дворе между гаражами и качелями. И как она ходила туда каждый день, а к августу море начало высыхать, и его пришлось поливать из лейки.

Она писала это сорок минут, ни разу не отвлеклась и даже не заметила звонка.

Через неделю сочинение вернулось.

Внизу красной ручкой было написано: «Тема не раскрыта. Пиши о том, что было на самом деле».

Мари прочитала это два раза.

Потом сложила листок вчетверо и убрала в самый дальний карман портфеля, к яблоку, начавшему отдельную жизнь.

Больше в тот год она ничего не выдумывала.

Пятым куском была физкультура, и это единственное место в школе, где на вопрос «зачем?» отвечают честно и сразу.

— Зачем нам бегать?

— Затем, что я сказал бегать.

Мари даже зауважала физрука. В его «надо» хотя бы не было притворства.

Шестой урок я, честно говоря, не помню. И Мари не помнила уже к вечеру. Бывают такие уроки: они происходят, их даже отсиживают до конца, но потом в памяти на их месте обнаруживается ровное серое место, как на контурной карте.

Звонок прозвенел в четырнадцать десять.

Шестьсот человек одновременно вышли из дверей и разошлись по домам, и каждый из них нёс в портфеле некоторое количество вещей, которые ему велели сделать до завтра.

Мари шла и считала — не трещины, а другое.

За этот день в её коллекцию прибавилось четыре новые пуговицы.

«Затем, что будет в контрольной».

«Чтобы не повторять ошибок прошлого».

«Потому что так положено».

«Затем, что я сказал».

Все четыре были круглые, гладкие и одинаково пустые внутри.

А дома её ждала мама, и посуда, и комната, и — Мари знала это совершенно точно, ещё не дойдя до подъезда, — знала так, как знают про дождь по запаху, — что всё начнётся заново.

Глава третья. Вечер, в котором всё начинается заново

Лучшая часть дня начиналась в четырнадцать тридцать пять.

Мари открывала дверь своим ключом, и квартира встречала её тишиной. Не той тишиной, которая бывает, когда все спят, — а другой, просторной, в которой можно было ходить как угодно, сидеть где угодно и молчать сколько влезет.

Кот Тапок поднимал голову с подоконника, убеждался, что это не еда, и укладывался обратно.

— Ну хоть ты меня понимаешь, — говорила Мари.

Тапок понимал. Правда, он понимал бы точно так же и стену.

В эти два часа Мари была совершенно свободна. Никто ничего не требовал. Никто не проверял. Никто не говорил «надо».

И вот что она в них делала.

Она снимала куртку и бросала её на стул. Она садилась на кровать, доставала телефон и падала на спину. И дальше происходило удивительное: она смотрела в экран, а время смотрело на неё, и они оба делали вид, что не замечают друг друга.

Потом Мари поднимала глаза, а на часах было уже без два-

дцати пять.

Два часа исчезали. Просто исчезали, целиком, как будто их выпили. И если бы кто-нибудь спросил её, что было в этих двух часах, Мари не смогла бы ответить. Что-то было. Смешное. Кажется, про собаку.

Это, между прочим, было ровно то, чего она хотела: время, в котором никто ничего не велит. Она получала его каждый день, по два часа. И ни разу не заметила, что оно уходит у неё сквозь пальцы, как вода, которую не поймал в ладони.

Запомните и это тоже. Ей ещё дадут такого времени очень, очень много.

Без четверти пять поворачивался ключ в замке, и квартира кончалась.

— Мари, ты уроки сделала?

Мама вошла с двумя пакетами, поставила их на пол, и потому, как она их поставила, было ясно, что день у неё был длинный.

— Сейчас.

— Ты с двух дома.

Это было чистой правдой, и потому обиднее всего.

Дальше поручения посыпались одно за другим, и я даже не буду их нумеровать, потому что к вечеру они перестают быть отдельными поручениями и превращаются в сплошное «надо», как дождь перестаёт быть отдельными каплями и становится просто дождём.

Посуда со вчера. Мусор, который стоит у двери с утра и

уже начал намекать на себя запахом. Хлеб, за которым нужно сбегать. Комната, в которой, как выразилась мама, «уже неприлично».

— И вообще, сначала уроки.

— Ты же сказала посуду.

— Сначала уроки, потом посуда.

— А ты сказала мусор.

— Мари.

Тут надо заметить, что взрослые действительно говорят «сначала это» и «сначала то» примерно об одном и том же деле, и происходит это не потому, что они издеваются, а потому, что у них в голове одновременно висит семнадцать дел, и наружу выскакивает то, которое ближе. Но Мари этого не знала. Мари казалось, что её просто гоняют по кругу.

Комнату она убрала за одиннадцать минут — и это был, честно говоря, выдающийся результат для того способа, которым она это сделала.

Способ был такой: всё, что лежало на полу, отправлялось под кровать. Всё, что лежало на стуле, отправлялось в шкаф, не расправляясь. Всё, что лежало на столе, сдвигалось в один аккуратный курган, и курган этот выглядел почти как порядок, если смотреть от двери и не подходить.

Когда под кровать поехала стопка старых тетрадей, оттуда донёлся тихий звук.

Что-то вроде вздоха. Или, может быть, кто-то устраивался поудобнее.

Мари замерла на секунду, а потом решила, что показалось, — потому что в двенадцать лет мы уже твёрдо знаем, что под кроватью никого нет, и очень этим гордимся.

Она задвинула тетради поглубже и пошла делать уроки.

По дороге на кухню мама спросила:

— Как в школе?

— Нормально.

Слово «нормально» — самое полезное слово в языке. Оно закрывает разговор быстро, аккуратно и без последствий, как крышка закрывает кастрюлю. За ним можно спрятать что угодно: и двойку, и ссору с подругой, и то, что тебе весь день было тоскливо и ты сама не понимаешь почему.

Мама, кстати, всё это прекрасно знала. Она сама отвечала «нормально» на тот же самый вопрос — примерно раз в неделю, стоя вот здесь же, у плиты, и глядя в кастрюлю.

Так они и жили: два человека, у которых было что рассказать друг другу, и одно слово на двоих, чтобы этого не делать.

Уроки состояли из трёх частей.

Математику она списала, потому что задача была про того же мальчика с тетрадями и Мари не хотела больше о нём думать.

Историю она прочитала глазами. Это особый способ чтения, который отлично знаком каждому школьнику: глаза идут по строчкам, страницы переворачиваются, время проходит, и в голове не остаётся ничего. Совсем ничего. Абсолютно ровное серое место, как на контурной карте.

А потом — русский, упражнение, четырнадцать предложений. Мари писала их и думала о том, что за окном уже темно, и что день кончился.

Вот что было самое обидное.

День кончился. Целый день — с утра до вечера, с завтраком, шестью уроками и лужей вдоль бордюра. И в нём не было ни одной минуты, которую Мари выбрала бы сама.

Кроме, конечно, той лужи. Но луж, к сожалению, не хватает на целую жизнь.

— Посуду!

— Я делаю уроки!

— Мари, я тебя два часа прошу.

— Я ДЕЛАЮ УРОКИ!

И тут случилось то, что случается в таких вечерах примерно на девяностой минуте.

Мама выпрямилась у раковины, и голос у неё стал не сердитый, а усталый, — а это, если разобраться, гораздо хуже.

— Тебе бы только ничего не делать.

Мари вскочила.

— Да! — крикнула она. — Да, хочу ничего не делать! Почему я всё время должна?! Почему все всё время говорят мне, что делать?! Я даже не могу просто посидеть! Я хочу, чтобы мне никто, никогда, ничего не говорил!

В коридоре стало очень тихо.

Из комнаты донёсся папин голос:

— С матерью так не разговаривают.

Мари ушла к себе и закрыла дверь. Не хлопнула — на хлопанье у неё уже не хватило злости, — просто закрыла, плотно, до щелчка.

Она села на пол, спиной к кровати, и уставилась в стену. За дверью полилась вода.

Мама мыла посуду сама.

Мари слушала этот звук — тарелка, вода, тарелка, вода — и внутри у неё что-то нехорошо шевельнулось. Небольшое такое чувство, размером с горошину, но твёрдое.

Она подумала, что могла бы встать и пойти домыть.

И не встала.

Так бывает гораздо чаще, чем нам хотелось бы: человек точно знает, как надо, и всё равно продолжает сидеть на полу, потому что встать — значит признать, что кричал зря. А признавать не хочется никому, и уж тем более в двенадцать лет, и уж тем более в девять вечера.

Тапок пришёл, посмотрел на неё, потоптался и улёгся рядом — прекрасный, тёплый, ни в чём не виноватый и ничего никому не должный.

— Вот ты живёшь, — сказала ему Мари. — Спишь. Ешь. И никто тебе слова не скажет.

Тапок зажмурился. Он был совершенно согласен.

Вода за дверью стихла. Потом щёлкнул выключатель, потом скрипнула половица, и в коридоре раздались мамины шаги — тихие, потому что мама всегда ходила тихо, когда мирилась первой.

Шаги остановились у двери.

— Спокойной ночи.

Мари не ответила.

Она честно собиралась ответить. Она даже открыла рот. Но между «сейчас скажу» и «уже поздно» помещается очень маленькая, очень коварная секунда, и Мари эту секунду упустила.

Шаги ушли.

И вот это она потом будет вспоминать чаще всего.

Глава четвёртая. Желание

Есть у ночи одно свойство, о котором днём забываешь.

Днём дом полон звуков, и все они чужие: телевизор, чайник, лифт, чей-то разговор. А часов около одиннадцати дом вдруг остаётся один и начинает разговаривать сам с собой.

Мари лежала в темноте и слушала.

Гудел холодильник — ровно, обстоятельно, как будто у него была очень важная работа и он ею гордился. Наверху ходил сосед, у которого, судя по звуку, было не две ноги, а четыре. Где-то в стене шумела вода. Скрипнула половица в коридоре — сама по себе, просто так, ни от чего.

И тикал будильник.

Он стоял на тумбочке и делал своё дело: тик, тик, тик. Стрелка была поставлена на семь. Через восемь часов он ударит в свои медные чашечки, и начнётся завтра.

Мари смотрела в темноту и думала о том, каким будет это завтра.

Она знала это совершенно точно, до последней мелочи. Будет: «Мари, вставай». Будет овсянка. Будет «застели постель» и «носки другие». Будет двенадцать минут дороги и лужа вдоль бордюра. Будет расписание под стеклом, шесть кусков времени, и в третьем куске — контрольная по математике, к которой она не готовилась. Будет «не бегаем». Будет два часа пустой квартиры, которые исчезнут неизвестно

куда. Будет ключ в замке без четверти пять. Будет посуда.

И послезавтра будет то же самое.

И через неделю.

И через год.

Потолка в темноте не было видно, но Мари всё равно нашла глазами то место, где шли трещины, и пересчитала их по памяти. Девятнадцать. Единственное дело на свете, которого от неё никто не требовал.

Вообще, если подумать, день у неё был устроен как коридор. Длинный, с дверями по обе стороны, и все двери открывались снаружи. Утро открывало мамино «вставай». Дорогу до школы — никто, и потому дорога была лучшей частью. Дальше расписание под стеклом открывало шесть дверей подряд, одну за другой, строго по звонку. А в конце коридора её ждал вечер и посуда.

И нигде, ни в одном месте этого коридора, не было ручки с её стороны.

За стеной кашлянул папа. Потом щёлкнул выключатель, и полоска света под дверью погасла.

Мари подумала про мамины шаги. Про то, как они остановились у двери, и как мама сказала «спокойной ночи», и как она, Мари, не ответила.

Можно было встать прямо сейчас, выйти в коридор и сказать это вслух. Четыре шага до двери, восемь до кухни. Мари даже подсчитала.

Она этого не сделала. Ночью такие вещи всегда кажутся

невозможными, хотя ночью-то они как раз проще всего.

И тогда она начала загадывать.

Загадывать Мари умела: этому вообще-то учатся все дети, просто в разное время бросают. Главное правило — желание должно быть точным. Если попросишь неточно, тебе выдадут что-нибудь не то, и потом будешь сам виноват.

Сначала она загадала, чтобы отменили школу.

Потом подумала и отменила это желание сама: без школы придётся сидеть дома, а дома мама, а у мамы посуда.

Потом она загадала стать взрослой. Взрослым никто не говорит, что делать.

Но тут же вспомнила маму — как та вошла с двумя пакетами и как поставила их на пол. И как папа хмурится в свой телефон, где курс валют и погода на выходные. Что-то в этой картине не сходилось со словом «свобода», хотя Мари и не смогла бы объяснить, что именно.

Потом она загадала каникулы навсегда — и почти на этом остановилась. Но каникулы у неё уже были, целое лето, двадцать один день у бабушки и всё остальное во дворе, и к августу от них немного ломило в затылке.

Потом, уже на всякий случай, она загадала, чтобы Тамара Петровна забыла про завтрашнюю контрольную. Это было хорошее, надёжное желание, много раз проверенное поколениями школьников, и работало оно, как известно, ни разу.

Нет. Всё это было неточно.

Она повернулась на бок. В ногах кровати, тёплым тяжё-

лым комком, лежал Тапок.

Вот кто устроился правильно. Спит восемнадцать часов. Ест, когда захочет. Уходит, когда надоест. И ни один человек в этом доме ни разу не сказал ему: «Тапок, ты уроки сделал?» — Как ты это устроил? — прошептала Мари.

Тапок не ответил. Коты никогда не отвечают на такие вопросы; они боятся, что мы поймём, насколько всё просто, и перестанем ими восхищаться.

А потом Мари вдруг вспомнила про дверь.

Ту самую, из сочинения. Обыкновенную дверь, стоящую посреди двора сама по себе, без стены, между гаражами и качелями. Она сочинила её в апреле и писала про неё сорок минут не отрываясь, и это были лучшие сорок минут той весны.

За дверью было море. Не очень большое — ровно такое, чтобы поместиться во дворе. К августу оно начинало высыхать, и его приходилось поливать из лейки.

«Тема не раскрыта. Пиши о том, что было на самом деле».

Листок до сих пор лежал в дальнем кармане портфеля, сложенный вчетверо.

И вот тут, лёжа в темноте, Мари наконец поняла, чего именно хочет.

Не отменить школу. Не стать взрослой. Не каникулы.

Она хотела туда, где есть такая дверь. И где за неё не ставят красную ручку поперёк страницы.

Она набрала воздуха и сказала — тихо, но очень отчётли-

во, потому что желание должно быть точным:

— Хочу попасть в мир, где никто никогда не будет заставлять меня что-либо делать.

Сказав это, она немного полежала и прислушалась.

Ничего не произошло.

Холодильник гудел. Сосед ходил. За окном проехала машина. Мари почувствовала себя глупо — так всегда чувствуешь себя, когда сказал что-то вслух пустой комнате, — натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза.

И вот теперь я вынужден кое о чём вас предупредить.

Желания, сказанные вслух в темноте, слышны гораздо дальше, чем нам кажется. Днём их заглушает всё остальное — холодильник, телевизор, лифт, чей-то разговор. А ночью дом пуст, и слово идёт далеко.

И тот, кто такие слова собирает, — а он существует, уж поверьте, — не разбирается в оттенках. Он не различает, что человек сказал и что человек имел в виду. Он берёт слова ровно такими, какими их произнесли, и выполняет их до последней запятой.

Мари сказала: «где никто никогда не будет заставлять меня что-либо делать».

Она имела в виду: где меня не будут дёргать по мелочам.

Она не имела в виду: где никто вообще ничего не делает. Где никто ничего не строит, не чинит, не готовит, не учит и не хочет. Где даже король не встаёт с постели, потому что вставать — это усилие.

Но её никто не переспросил.

Впрочем, ничего страшного тогда не произошло.

Просто в комнате вдруг сделалось очень тихо — тише, чем бывает.

Холодильник перестал гудеть. Сосед наверху перестал ходить. Вода в стене замолчала.

И будильник — тот самый, честный, который за всю свою долгую жизнь не опоздал ни на минуту, — сбился. Один раз. Между двумя «тик» помещалась крохотная пауза, которой там быть не полагалось.

Тапок поднял голову и посмотрел на окно.

За окном шёл снег. В апреле.

Мари этого уже не увидела: у неё как раз в эту секунду закрылись глаза, и она провалилась в сон — быстро, легко, как проваливаются только в детстве и только один раз в жизни.

А снег за окном шёл всё гуще и гуще, и был он, между нами говоря, вовсе не снег.

Будильник продолжал идти в темноте.

И это была последняя ночь, когда он шёл правильно.

Часть вторая.

Заоблачное королевство

Глава пятая. Дверь, за которой нет коридора

Мари проснулась оттого, что было слишком светло.

Не так светло, как бывает, когда забыл задёрнуть штору. И не так, как бывает, когда проспал и солнце уже высоко. А так, будто кто-то поднёс к окну огромную белую лампу и держал её там всю ночь, дожидаясь, пока Мари откроет глаза.

Она полежала немного, шурясь.

Потолок был на месте. Трещины были на месте — все девятнадцать. Мари пересчитала их по привычке, не думая, и уже на четырнадцатой заметила, что что-то не так.

Тени.

Тени шли не в ту сторону.

Мари села.

Комната была её собственная, до последней мелочи. Стол, на котором со вчерашнего вечера стоял аккуратный курган из тетрадей и всякой всячины. Стул, на котором висела куртка, брошенная в четырнадцать тридцать пять. Шкаф, набитый вещами, которые туда запихнули не расправляя. Порт-

фель у ножки стола, а в дальнем его кармане — яблоко и листок, сложенный вчетверо.

Всё было её. И всё было неправильное, потому что на всё это падал свет, которого в её комнате никогда не бывало.

Тапка на кровати не было.

Вот это Мари почему-то заметила раньше всего остального и почему-то сразу расстроилась.

— Тапок?

Голос прозвучал странно. Он не отразился от стен, как отражается обычно, а сразу куда-то ушёл, как уходит голос в поле.

Будильник стоял на тумбочке.

Он молчал.

Мари взяла его в руки и потрясла — так делают все люди с часами, хотя ни одни часы в истории от этого ещё не пошли. Стрелки не двигались. Внутри не тикало. Впервые за свою долгую честную жизнь будильник остановился, и Мари, глядя на него, почувствовала укол вины, хотя вроде бы ничего ему не сделала.

Она поставила его обратно и пошла к окну.

Двора за окном не было.

Не то чтобы там было пусто. Пусто — это когда ты видишь место, где чего-то нет. А тут смотреть было решительно не на что: белое, ровное, светящееся, и оно шло во все стороны сразу.

Мари отодвинула шпингалет и толкнула раму.

В комнату вошёл воздух — тёплый, чуть влажный, и он совершенно ничем не пах. Ни бензином, ни дождём, ни соседской готовкой, ни весной. Мари никогда раньше не замечала, что воздух вообще-то всегда чем-нибудь пахнет, — а тут заметила сразу, потому что пахнуть было нечем.

Она высунулась и посмотрела вниз.

Внизу были облака.

Они лежали слоями, как взбитая перина, до самого горизонта, и в них было что-то очень домашнее и очень страшное одновременно. Мари вцепилась в подоконник обеими руками, хотя падать вроде бы не собиралась.

Далеко, на самом краю белизны, из облаков поднималось что-то высокое. Башни. Много башен, штук девять, и все они стояли немного криво, будто их строили в спешке или, наоборот, очень долго и без всякого желания.

Мари закрыла окно.

Потом она сделала то, что на её месте сделал бы любой нормальный человек: ущипнула себя за руку.

Было больно.

Правда, честно говоря, это ничего не доказывает: во сне тоже бывает больно, просто мы об этом наутро не помним. Но Мари было двенадцать, она верила в щипок, и щипок её немного успокоил.

— Мам? — сказала она в сторону двери.

Никто не ответил.

И вот тут Мари наконец расслышала главное — то, что

стояло в комнате с самого пробуждения и чего она не замечала, как не замечают собственного дыхания.

Тишина.

Не гудел холодильник. Не ходил сосед наверху. Не шумела вода в стене. Не проезжали машины. Не хлопал внизу подъезд. Не работал ни у кого телевизор.

Дом молчал весь целиком, и молчал он так основательно, будто молчал уже много лет.

Мари села на кровать и попробовала рассуждать разумно. Разумных объяснений было три.

Первое: она спит. Против этого говорил щипок, а также то, что во сне никогда не бывает так подробно. Во сне не бывает царапины на двери, яблока в портфеле и вчерашней куртки на стуле — сон всегда что-нибудь да забудет.

Второе: она сошла с ума. Это Мари обдумывала дольше всего и в итоге отложила, потому что сумасшедшие, насколько она знала, не сидят на кровати и не составляют списки из трёх пунктов.

Третье было самое неудобное и самое простое, и потому она добралась до него последним.

Она вспомнила про снег в апреле. Про то, как перед самым сном в комнате вдруг сделалось очень тихо — тише, чем бывает.

Мари посмотрела на остановившийся будильник.

Что-то ночью всё-таки произошло. И это что-то, судя по всему, слушало очень внимательно.

Мари слезла с кровати и подошла к двери своей комнаты. Обыкновенная дверь. Белая, с царапиной внизу — след от того дня, когда она в третьем классе решила подстричь дверь ножницами, и ей за это было.

За этой дверью полагался коридор. В коридоре — зеркало, вешалка, мамины сапоги и кухня в конце.

Мари взялась за ручку и остановилась.

И вот здесь я обязан обратить ваше внимание на одну мелочь, которую сама Мари в тот момент не заметила, — а зря, потому что это была самая важная мелочь за все двенадцать лет её жизни.

У этой двери была ручка с её стороны.

Помните её вчерашний коридор? Тот, где все двери открывались только снаружи? Где утро открывало мамино «вставай», а расписание под стеклом открывало шесть дверей подряд, строго по звонку?

Так вот: впервые за очень долгое время никто не собирался открывать эту дверь за неё.

Никто не звал. Никто не торопил. Никто не говорил: «Мари, ну сколько можно, все ждут».

Хочешь — открывай. Не хочешь — стой сколько угодно, хоть до вечера, хоть всю жизнь.

Мари простояла у двери, наверное, минуту.

Ей было страшно. И, к её собственному удивлению, страшно было не от белого света и не от облаков за окном. Страшно было именно от того, что никто не подгонял. Ока-

зывается, когда тебя всё время дёргают, ты вообще не успеваешь испугаться — тебе просто некогда.

А потом она вспомнила.

Она вспомнила, как лежала в темноте и говорила вслух, тихо и очень отчётливо, потому что желание должно быть точным.

«Хочу попасть в мир, где никто никогда не будет заставлять меня что-либо делать».

Мари медленно улыбнулась.

Улыбка вышла ошалелая, во весь рот, — такая, какой у неё не было с апреля.

— Сработало, — сказала она.

И открыла дверь.

Коридора за ней не было.

Не было ни зеркала, ни вешалки, ни маминых сапог, ни кухни в конце. Порог был на месте — обыкновенный, деревянный, со стёртой краской. А сразу за порогом начиналась улица.

Настоящая улица: мостовая, фонари, дома по обе стороны. Только мостовая была выложена не камнем, а чем-то мягким и слегка светящимся, дома стояли вкривь и вкось, будто их поставили и забыли поправить, а вместо неба сверху, снизу и по бокам были облака.

Улица висела прямо среди облаков и никуда не опиралась.

Мари стояла на пороге босиком, в пижаме, с растрёпанными волосами, и держалась за косяк собственной комнаты.

По улице ходили люди.

Немного, человек шесть или семь, и все они двигались медленно — не потому, что устали, а так, будто торопиться было решительно не к чему. Один сидел прямо на мостовой и смотрел в облака. Никто не оглянулся на девочку, появившуюся в дверном проёме посреди улицы. Никто вообще не оглянулся ни на что.

Мимо, метрах в трёх, неторопливо проплыло облако — и, проплывая, слегка задело её ногу. Оно оказалось тёплым и щекотным, как дыхание.

— Ладно, — сказала Мари неизвестно кому.

И шагнула через порог.

Дверь за её спиной тихо, очень вежливо закрылась сама.

Впервые в жизни Мари сделала шаг, о котором её никто не просил.

И, между нами говоря, впервые в жизни ей никто не сказал, куда идти дальше.

Глава шестая. Улица среди облаков

Первое, что Мари узнала о новом мире: по нему было очень странно ходить.

Мостовая пружинила. Не проваливалась, нет — держала крепко, но при каждом шаге чуть-чуть оседала и потом медленно возвращалась обратно, как матрас, на котором прыгают уже лет двадцать. Идти по такой мостовой было весело первые тридцать шагов и утомительно все следующие.

Мари сделала эти тридцать шагов, обернулась — и осталась.

Её дверь стояла посреди улицы.

Одна. Сама по себе. Белая, с царапиной внизу, в аккуратной деревянной раме, — и никакой стены вокруг. Ни дома, ни подъезда, ни квартиры. Просто дверь, поставленная прямо на мостовую, и с обеих сторон от неё свободно проплывали облака.

Мари обошла её кругом.

С той стороны было точно так же: дверь, рама и ничего больше.

И тогда у неё сжалось горло.

Потому что она это уже видела. Она это придумала — в апреле, за партой у окна, сорок минут не отрываясь. Обыкновенная дверь, стоящая посреди двора сама по себе, без стены, между гаражами и качелями.

«Тема не раскрыта. Пиши о том, что было на самом деле».

— Ну и как теперь, — сказала Мари вслух, ни к кому не обращаясь. — Раскрыта тема?

Дверь молчала. Двери в этом смысле ничем не лучше зеркал.

Мари вытерла нос рукавом пижамы, потом посмотрела на этот рукав, потом на свои босые ноги — и открыла дверь обратно.

За дверью, к её огромному облегчению, оказалась её комната.

Она натянула джинсы, свитер и кроссовки, причесалась пятернёй, взяла с полки резинку для волос — и, уже выходя, машинально сунула в карман листок из портфеля, сложенный вчетверо. Зачем — она бы не объяснила. Есть вещи, которые берут с собой не потому, что они нужны, а потому, что оставлять их не хочется.

Потом она вышла и снова закрыла дверь.

И пошла смотреть город.

Город был удивительный.

Не потому, что красивый, — а потому, что весь он, целиком, от первого дома до последнего, был не достроен.

Вот дом: три этажа, окна, крыльцо, всё как полагается. И крыши нет. Просто нет — стены кончаются, и дальше облака. И, судя по тому, как обтрепались края кладки, крыши там не было очень, очень давно.

Вот другой дом: сложен из кирпича до половины, а выше

— из облаков, потому что облака ближе и таскать их легче.

Вот забор, у которого покрашены четыре доски. Пятая покрашена наполовину. Кисть лежит рядом. Краска в банке высохла так основательно, что превратилась в камень.

Вот мост через пустоту — красивый, с перилами, с фонарями. Он идёт, идёт, идёт и обрывается ровно посередине.

Вот статуя. Человек в плаще, рука поднята, всё торжественно. Лица нет. Просто гладкий камень, будто скульптор дошёл до самого интересного и решил, что на сегодня достаточно.

Мари долго её разглядывала. Из всего города эта статуя понравилась ей больше всего и напугала сильнее всего, и она не могла понять почему.

А дело было вот в чём. Дом без крыши — это просто дом без крыши. А памятник без лица — это памятник неизвестно кому, поставленный неизвестно за что. Кто-то ведь притащил сюда камень. Кто-то тесал плащ и складки, и складки вышли отличные. Кто-то очень хотел, чтобы этого человека помнили.

И остановился ровно за один день до конца.

А над всем этим, далеко впереди, поднимались из облаков те самые кривые башни. Теперь Мари видела, что они не кривые, а просто разной высоты: каждую строили ровно до тех пор, пока строителю не надоедало.

Была тут и площадь — небольшая, круглая, с фонтаном посередине.

Фонтан был прекрасен. Три чаши одна над другой, каменные рыбы по краю, и у каждой рыбы во рту дырочка, из которой полагалось бить воде.

Воды не было.

Мари заглянула в верхнюю чашу и обнаружила там сухие листья, монетку и очень удивлённого паука.

Позже она узнала, что фонтан не работает уже семьдесят лет: чтобы он работал, кто-то должен раз в неделю поворачивать вентиль в подвале ратуши. Вентиль на месте. Подвал открыт. Ходить туда две минуты.

Но, во-первых, две минуты — это две минуты. А во-вторых, все совершенно уверены, что этим занимается кто-то другой.

На скамейке у моста лежал человек.

Именно лежал — во весь рост, закинув руки за голову, и смотрел вверх. Скамейка была ему коротка, ноги свисали, но его это, кажется, устраивало.

— Извините, — сказала Мари.

Человек перевёл на неё глаза. Не голову — только глаза.

— Извините, а где я?

— В Заоблачном королевстве.

— А... а что тут делают?

Человек подумал. Он думал долго, секунд десять, и Мари даже успела решить, что вопрос был слишком сложный.

— Ничего, — сказал он наконец.

— В смысле?

— В прямом.

— Ну а всё-таки. Вы вот, например, сейчас что делаете?

— Лежу.

— А потом?

— Потом полежу ещё.

Мари переступила с ноги на ногу.

— А кто вы?

— Не помню, — сказал человек без всякой печали, как сказал бы «не знаю, который час». — Раньше, кажется, что-то делал. А потом перестал, и вспоминать стало неудобно.

Он снова уставился в облака, и по его лицу было отлично видно, что разговор окончен — не потому, что Мари ему надоела, а потому, что поддерживать разговор тоже, в общем-то, работа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.